

Приватизация в России глазами ученых

Проблемы приватизации, легитимность полученной в результате собственности остаются одними из самых болезненных. Разобраться в том, что в действительности произошло в 1990-х гг., какую эволюцию прошли приватизированные предприятия в исследуемые годы, попытались авторы книги “Права собственности, приватизация и национализация в России” (М., Новое литературное обозрение, 2009). Будучи сторонниками разных трактовок приватизационных процессов, они не смогли дать некий их цельный образ, но именно многообразие углов зрения на проблему делает книгу особо интересной. Обсуждению разных аспектов приватизации было посвящено одно из заседаний фонда “Либеральная миссия”, инициировавшего этот исследовательский проект. В этом заседании, руководимом президентом фонда **Евгением Григорьевичем ЯСИНЫМ**, приняли участие как члены авторского коллектива – **Леонид Маркович ГРИГОРЬЕВ**, **Ростислав Исаакович КАПЕЛЮШНИКОВ**, **Виталий Леонидович ТАМБОВЦЕВ**, так и их оппоненты – **Валерий Тувьевич РЫСИН**, **Андрей Евгеньевич ШАСТИТКО**, **Петр Сергеевич ФИЛИППОВ**, **Виктор Семенович ПЛЕСКАЧЕВСКИЙ**, **Сергей Владимирович МОЛОЖАВЫЙ**, **Григорий Алексеевич ТОМЧИН**, **Глеб Иванович МУСИХИН**, **Вадим Михайлович МЕЖУЕВ**, **Дмитрий Ефимович ФУРМАН**, **Леонид Исидорович ЛОПАТНИКОВ** и др. При этом среди оппонентов были как ученые, так и политики, в разные годы работавшие в органах и исполнительной, и законодательной власти. Наиболее интересные моменты обсуждения обобщены заместителем главного редактора журнала “Общественные науки и современность” **Натальей Михайловной ПЛИСКЕВИЧ**.

Е.Г. ЯСИН: Как часто бывает, поводом для встречи у нас послужила книга. Но предмет обсуждения не сама книга, а ее тема. Тем более что получился и не просто сборник статей, и не целостное произведение. Думаю, нам надо сконцентрировать внимание на таких вопросах: была ли необходима приватизация? лучший ли вариант был выбран для массовой приватизации начала 1990-х гг.? хотят ли россияне возврата к госсобственности? что такое госприватизация конца 2000-х гг. – национализация или “высшая форма приватизации”? Сначала я предоставляю слово авторам книги.

Л.М. ГРИГОРЬЕВ: Прежде всего я коротко отвечу на предложенные вопросы. Первое: была ли приватизация необходима? Конечно. Второе: массовая приватизация начала 1990-х гг. – наилучший вариант? Вопрос поставлен неверно. Третье: хотят ли российские граждане возврата к госсобственности? Ну, если чье-то чужое имущество перейдет в госсобственность, то иногда хотят; свое отдать – нет. Есть рассуждения прессы: государство не любят, как и чиновников. Но если речь идет о том, чтобы что-нибудь отнять у соседа и кому-нибудь отдать, то лучше – государству, если нельзя взять себе. Что касается госкорпораций, то в какой-то степени, конечно, это национализация, но дальше возможна развилка: может начаться их приватизация и тогда может появиться тот массовый собственник, которого нам обещали, но не родили.

Мне хотелось бы остановиться на том, как наша приватизация выглядит на фоне международных процессов 1990-х гг. Она соотносится с другими приватизациями примерно, как тунгусский метеорит со сбиванием сосулек. Она лежит вне всякого мейнстрима, вне всякого предыдущего опыта, не имеет никакого отношения к ваучерным приватизациям в других странах и провалилась примерно в 1995 г. Поэтому обсуждать ее как интеллектуальную задумку невозможно. Придуман замечательный подход с точки зрения дискретных альтернатив. Вообще в мире было два варианта: либо популистский – раздача собственности, либо тяжелейший смешанный вариант. Возможности

“чистой” раздачи собственности по предприятиям просто не существовало. Все отдавали собственность по-разному. По крупным предприятиям могла работать, конечно, только какая-то смешанная стратегия.

В истории было шесть больших приватизаций. Есть статья, по-моему, в *American Economic Review*, где показано, что большие приватизации проводились правительствами в интересах собственных сторонников и что в пяти из шести случаях это удалось. Удалось у англичан, чилийцев, чехов. Идея была проста – раздать своим или перетягивать (подкупать) колеблющихся, чтобы люди проголосовали за тебя. Протянуть время и продолжать реформу – такова вполне разумная идея. Наша приватизация не ложится и в эту модель, потому что у нас власть действовала в ущерб интересам собственных же сторонников. Скорость приватизации, которой так гордятся, – просто ошибка. Если вы хотели держать людей в ожидании каких-то благ, чтобы они за них вас любили, это ожидание надо было растягивать. Третьей возможности, которая потом появилась, на старте не было – ни в интеллектуальном, ни в практическом плане. Наша приватизация была придумана “на коленке” и к мировой науке не имеет отношения.

Мысль, что надо приватизировать государственность как попало, лишь бы быстро, политически понятна: шло бегство от коммунизма. Но в подобном случае вы не можете ждать никаких экономических результатов, на которые рассчитана приватизация. Из двух существующих альтернатив была избрана несуществующая, наскоро сконструированная, проведенная в жизнь. Вся беда в том, что приватизация никак не кончится. Мы все еще находимся в ее процессе, поскольку устойчивого положения не достигли, в том числе и в отношении легитимности. По-прежнему идет передача, перезахват собственности.

В странах Центральной и Восточной Европы, где приватизация была осуществлена за пять лет, наблюдается нормальный экономический рост, там стабильные инвестиции. Мы же мучаемся 15 лет. И не факт, что закончим этот процесс быстро. Постепенно что-то утрясается, но издержки, на мой взгляд, чудовищны. Их никто не считал, потому что невозможно представить какой-то обратный отсчет и анализировать варианты с нуля. Поэтому предлагается считать нашу приватизацию политически завершившейся и экономически продолжающейся и наслаждаться госкорпорациями.

Р.И. КАПЕЛЮШНИКОВ: Сначала я попробую выделить некоторые общие вещи, которые в явном виде почему-то обсуждаются достаточно редко. Во-первых, наиболее общий вопрос – о природе российской приватизации. Фундаментальная ее характеристика заключается в ее *гибридном характере*. Она не поддается однозначной квалификации, так как в ней были задействованы едва ли не все мыслимые варианты и методы проведения, за исключением разве что реституции. Если исходить из того, какой элемент был в ней преобладающим, то ее можно охарактеризовать как “инсайдерскую”, так как наибольшая доля приватизированных активов формально перешла к инсайдерам (трудовым коллективам и администрации предприятий). Но если попытаться выделить главное отличие российской приватизации от того, что можно было наблюдать в других переходных экономиках, то ее правомерно определить как “ваучерную”, ибо присутствие ваучерной составляющей в ней много сильнее, чем в вариантах приватизации, реализованных в большинстве других постсоциалистических стран.

Когда мы движемся во времени вперед и обращаемся к залоговым аукционам, то их вообще можно квалифицировать как специфическую форму “поштучной” приватизации. Но, признав фактическое многообразие использованных подходов, опробованных в российских условиях, мы едва ли сможем избежать достаточно неутешительного вывода: какие бы приватизационные схемы в российской экономике ни применялись, они неизменно порождали сходные проблемы и вызывали в обществе одинаковую реакцию резкого отторжения. Какими бы путями государственные активы ни передавались частным агентам, возникавшие в результате этой передачи права собственности всегда оказывались плохо определенными, ненадежно защищенными и недостаточно легитимными. (Трудно избавиться от впечатления, что организаторы приватизационных процессов были гораздо больше озабочены тем, чтобы права на бывшие государственные активы

попадали в руки “правильных” собственников, нежели тем, чтобы эти права были хорошо специфицированными и надежно защищенными – в чьи бы руки, “правильных” или “неправильных” собственников, они ни попадали.)

Это ясно показывает, что обсуждаемую проблему нельзя сводить, как чаще всего делают, к оценке достоинств и недостатков конкретных приватизационных технологий. Здесь, по-видимому, действовали иные, гораздо более общие факторы. С известными оговорками можно было бы сказать, что исход российской приватизации был предопределен той специфической институциональной средой, в которой она осуществлялась и в которую затем оказывались погружены приватизированные предприятия.

Это была среда, где, в массовом порядке, не соблюдались какие бы то ни было “правила игры”. Именно поэтому независимо от выбора тех или иных способов, методов и схем приватизации их практическая реализация всегда принимала схожие формы. И именно это, как мне кажется, вызывало неприятие со стороны общества. И если массовая приватизация начала 1990-х гг. была воспринята таким негативным образом основной частью населения, то залогово-аукционная приватизация – большинством экспертного сообщества, а также, добавлю, общественным мнением на Западе. Курьез состоит в том, что многие российские эксперты склонны приписывать свою собственную реакцию рядовым гражданам и видеть источник всех бед в залоговых аукционах. Это, конечно, недоразумение, поскольку обычные люди имели о них весьма смутное представление, тогда как в приватизацию начала 1990-х гг. были включены лично.

Следующий вопрос, предложенный к обсуждению: может ли массовая приватизация, проведенная в России, быть оценена в качестве лучшего из имевшихся вариантов? Ответ, естественно, зависит от того, какие критерии мы прилагаем и с чем ее сравниваем. Однозначная оценка здесь едва ли возможна. Но, насколько я понимаю, в данном случае предлагается дать оценку в стандартных терминах экономической эффективности: насколько итоги приватизации можно считать успешными или неуспешными с экономической точки зрения? Лучший из известных мне ответов на этот вопрос предложен в работе Дж. Эрла, Д. Брауна и А. Телегди, где сравниваются экономические результаты приватизации на микроуровне в четырех переходных странах: Венгрии, Румынии, Украине и России. Анализ показал, что в Венгрии и Румынии приватизированные предприятия демонстрировали гораздо более высокие результаты с точки зрения производительности и тому подобного, чем неприватизированные. На Украине ситуация была хуже, там различия в эффективности между приватизированными и неприватизированными предприятиями были практически нулевыми. И только в России приватизация вела к значимым отрицательным результатам. Иными словами, сам факт “приватизированности” порождал проигрыш в показателях эффективности.

Конечно, из этих результатов на микроуровне не следует делать вывод, что если бы приватизация вообще не проводилась, то ситуация в российской экономике (на макроуровне) была бы лучше. Это было бы незаконным перепрыгиванием с микро- на макроуровень. Дело в том, что в результате приватизации произошло коренное изменение самой общей экономической среды, функционирование предприятий (как приватизированных, так и неприватизированных) стало протекать в принципиально иных условиях. И если бы этого не произошло, если бы сохранился “монолит” государственной собственности, то результаты деятельности российских предприятий, как можно предположить, были бы еще хуже: скорее всего, просто ужасающими.

Это, повторю, два разных аспекта проблемы, и их не следует смешивать. Для иллюстрации сошлюсь на недавнюю работу С. Эстрина с соавторами, выполненную уже на макроданых, где ученые приходят к достаточно неожиданному выводу. В ней предпринята попытка оценить, как различные методы приватизации влияли на экономический рост в переходных экономиках. Согласно полученным результатам, именно ваучерная приватизация, и только она, оказывала значимое положительное влияние на темпы экономического роста! Сами авторы объясняют это тем, что ваучерная приватизация вела к наиболее решительному разрыву связей между предприятиями и государством, к наиболее полному высвобождению экономики из пут политики. Но, исходя из

заслуживающих доверия исследований, которые строились на микроданных, мы вправе сделать вывод, что российский вариант приватизации был если не худшим, то одним из худших.

Есть еще один важный момент, на который мне хотелось бы обратить внимание. При перечислении грехов российской приватизации часто высказываются, строго говоря, взаимоисключающие суждения. Первая констатация: российская приватизация оказалась малоуспешной, потому что привела к консервации исходно неэффективной структуры собственности. Предприятия оказались под контролем “красных директоров”, которые были заведомо неэффективными собственниками. Однако возможности их замены, перехода предприятий в руки эффективных собственников в силу особенностей проведенной приватизации оставались заблокированными. Исходно неэффективная постприватизационная структура собственности сохранялась в практически неизменном виде, и этим объясняется экономический неуспех приватизации.

Вторая точка зрения связывает этот неуспех с крайне слабой защищенностью прав собственности. Собственность без конца переходила из рук в руки, для чего использовались тысячи легальных, полулегальных и нелегальных методов ее отъема. Даже когда предприятия переходили к потенциально эффективным собственникам, те были не в состоянии надолго ее удержать, вытеснялись неэффективными собственниками, и этот круговорот длился бесконечно. При такой интерпретации ключевой проблемой оказывается не излишняя стабильность, а напротив, чрезмерная нестабильность отношений собственности, сформировавшихся в результате приватизации. Я не хочу сказать, что эти точки зрения не поддаются увязке, но делать это нужно в явном виде.

Теперь позвольте перейти к проблеме легитимности собственности. Хорошо известно, что российская приватизация и возникшая на ее основе крупная частная собственность не признаются легитимными подавляющим большинством российского общества. Оставить результаты приватизации такими, какие они есть, готовы 10–15% населения, остальные высказываются за их пересмотр в той или иной форме.

Первым здесь, естественно, возникает вопрос: а что это такое – легитимность собственности? В своем анализе я исхожу из хрестоматийного противопоставления легальности и легитимности. Думаю, что не открою ничего нового, если скажу, что легальность связана с формальными механизмами признания чьих-либо прав на что-либо, тогда как легитимность – с неформальными механизмами признания чьих-либо прав на что-либо. Говоря проще, легитимация – это признание окружающими прав некоего *X* на некое *Y*, где неопределенное выражение “окружающие” используется намеренно, чтобы в зависимости от контекста вместо него можно было подставить то, что больше всего подходит в том или ином конкретном случае. Отказ в таком признании – базовый, наиболее фундаментальный и наиболее доступный инструмент инфорсмента, поскольку пользование им чаще всего не требует больших издержек и обходится практически бесплатно. Это дисциплинирующее средство, которое почти всегда есть у слабых против сильных, и, несмотря на его кажущуюся хрупкость и эфемерность, оно, как ни странно, иногда срабатывает и оказывается вполне эффективным. На уровне непосредственных переживаний состояние нелегитимности хорошо передается словами из песни В. Высоцкого: “Нет, ребята, все не так – все не так, ребята”. “Нетаковость” окружающего мира, социального устройства, в котором тебе приходится жить, – это, по существу, и есть обозначение его нелегитимности. И можно предположить, что широко распространенное в российском обществе ощущение “нетаковости” во многом объясняет, почему по показателям субъективного благополучия людей наша страна оказывается одной из самых несчастных в мире.

Что может лежать в основе наших оценок возможных оснований нелегитимности, когда мы либо признаем, либо не признаем чьи-либо права на что-либо? В работах российских авторов на эту тему я обнаружил три наиболее популярных точки зрения. Во-первых, возможно, все дело в определенных идеологических конструктах – стереотипах восприятия, вбиваемых в головы людей (без их прямого участия) некими внешними силами. Продукты такого внушения могут рассматриваться либо как инерционные

и долгоживущие (усвоение, например с советских времен), либо как чрезвычайно пластичные и быстро сменяющие друг друга. Но в любом случае, по логике этого подхода следует ожидать, что группы, легче поддающиеся идеологическому “импринтингу” (пожилые, менее образованные, традиционалистски ориентированные, оказывающие поддержку левым партиям), будут выступать решительными противниками приватизации и выросшей из нее крупной частной собственности. Тогда как группы, обладающие по отношению к нему достаточным иммунитетом (молодые, более образованные, реформистски ориентированные, оказывающие поддержку правым партиям), – их столь же решительными сторонниками.

Во-вторых (эта точка зрения наиболее популярна), вполне вероятно, что за суждениями о легитимности/нелегитимности собственности могут скрываться те или иные частные интересы. Тогда определяющим оказывается разделение членов общества на выигравших и проигравших. В этом случае мы должны ожидать, что “за” приватизацию будут выступать наиболее высокодоходные группы общества (предприниматели, топ-менеджеры, владельцы недвижимости и т.д.), тогда как “против” – низкодоходные группы.

Наконец, существует еще одна точка зрения, которая предполагает, что оценки собственности как легитимной или нелегитимной строятся исходя из элементарных, обыденных представлений людей о “честном/нечестном” или, если воспользоваться аналогией со спортом, “спортивном/неспортивном” поведении. Санкцию легитимности чаще всего получают события, процессы и институты, которые не противоречат сложившимся в обществе представлениям о “честной игре” (*fair play*). И наоборот: когда “неспортивность” происходящего достигает критической отметки, легитимность рассыпается, и перебить это не удастся ничем, включая ссылки на эффективность.

Я предлагаю проделать простой мысленный эксперимент, который иллюстрирует различия между альтернативными механизмами легитимации. Предположим, что нам удалось сформировать репрезентативную выборку из граждан США и передать им необходимую информацию о приватизации в России примерно в том же объеме, в каком она имеется у россиян. После чего был проведен опрос об их отношении к этому событию. В случае, если бы действовал только первый механизм, ответы американцев и россиян должны были бы радикально разойтись – из-за принципиальных различий, существующих в их базовых идеологических установках. В том случае, если бы действовал только второй механизм, участники американского опроса оказались бы в затруднении, поскольку на их благосостояние российская приватизация никак реально не повлияла. Им пришлось бы либо отказываться от ответа, либо отвечать наобум, так что голоса “за” и “против” разделились бы примерно поровну. Наконец, в том случае, если бы действовал только третий механизм, большинство американцев отказали бы российской приватизации в одобрении точно так же, как это делают большинство россиян, по той простой причине, что она слишком мало напоминала ход “честной игры”.

Фундаментальный эмпирический факт состоит в том, что в России существует околоконсенсусное неприятие приватизации и ее результатов, охватывающее 80–85% населения. Такое единодушие едва ли может объясняться первыми двумя из выделенных мною факторов. Наиболее правдоподобное объяснение можно получить, обратившись к третьему из них. Но если это так, то тогда устойчиво негативное отношение к приватизации и ее результатам нельзя считать чем-то наносным, случайным, внушенным или преходящим. Ее неприятие имеет под собой прочную “экспериментальную” основу.

Но затем я задаюсь вопросом: следует ли отсюда, что низкая легитимность собственности – абсолютный тормоз для экономического развития, чреватый катастрофическими последствиями, как думают многие? И прихожу к выводу, что нелегитимность российской приватизации и выросшей на ее основе крупной частной собственности очень специфична. Во-первых, такое положение вещей не фатально с точки зрения экономического развития, и во-вторых, оно совершенно не уникально, так как нет ни одной постсоциалистической страны, где бы большинство населения одобряли результаты проведенной приватизации и не хотели бы пересмотра ее результатов в той или иной форме. Мое предположение состоит

в том, что для многих людей память о приватизации 1990-х гг. служит всего лишь историческим якорем, хронологической зацепкой, к которой они “пристегивают” свое восприятие текущих процессов. Поэтому я думаю, что до тех пор, пока в России конфликты по поводу собственности будут решаться в пользу сильных и в ущерб слабым, люди будут постоянно продолжать возвращаться к негативному приватизационному опыту 1990-х гг. И состояние нелегитимности собственности будет еще долго сохраняться и воспроизводиться.

В.Л. ТАМБОВЦЕВ: Задача, которую мы ставили: попытаться предложить некоторые теоретические рамки, которые помогут понять, что случилось и что можно ожидать. Прежде всего, что мы сопоставляем? Все привыкли к понятию “форма собственности”. Понятие это чрезвычайно противоречивое, неконструктивное. Чем оно плохо как средство, с помощью которого можно характеризовать действительность? Прежде всего тем, что обращает внимание исключительно на субъекта собственности. Форма собственности, как она делится в наших документах, начиная от Конституции РФ и заканчивая иными нормативными актами, – это государственная, муниципальная, частная и еще какая-то смешанная, прописанная в Гражданском кодексе. То есть это понятие подчеркивает, *кто* владеет, но практически ничего не говорит о том, *как* владеет. Как распоряжается? Как пользуется? Юридическое общественное сознание считает: раз собственник, то со своей собственностью он может делать все.

Я предлагаю в качестве рабочего инструмента анализа другое понятие – “режим собственности”. Оно привлекает внимание к тому, как принимаются решения относительно собственности. С этой точки зрения наши формы собственности оказываются чистыми дезориентирами. Возьмем такое замечательное понятие, как “государственная форма собственности”. Посмотрим на государственное предприятие с точки зрения режима собственности. Это смесь, как минимум, трех режимов. Первый – режим действительно государственной собственности; второй – режим коммунальной собственности, где принятие решений распределено между несколькими лицами; третий – режим свободного доступа, когда для лиц, имеющих такой доступ, нет никаких ограничений на возможность использовать имущество, распоряжаться им и т.д. Вот что такое “государственное предприятие” с точки зрения режимов собственности. В той части имущества государственного предприятия, которое поступает в бюджет, мы имеем дело с режимом государственной собственности. В той части, в которой решения принимаются под воздействием губернаторов или местных жителей, – это режим коммунальной собственности. В той части, в которой менеджер и другие граждане используют ресурсы предприятия в частных целях, это режим свободного доступа. Если такое использование не спорадическое, а систематическое, происходит переход в режим частной собственности.

С моей точки зрения, понятие режима собственности, которое у нас практически не используется в делах, и редко – в теоретическом анализе, позволяет дать ответ на первый вопрос: была ли приватизация необходима? Ведь смена собственника гораздо менее значима, чем смена режима собственности. А изменился ли у нас в 1990-е гг. режим собственности? Вспомним выражение – “монумент государственности”. Но она никогда не было монолитом, это была смесь режимов. И мало что тут поменялось после приватизации с бытовой, поведенческой точки зрения. Поэтому результаты по критериям эффективности на микроуровне, о которых говорил Ростислав Исаакович, конечно, интересны, но при их анализе отсутствует мощный объясняющий фактор – характеристика институциональной среды как таковой, то есть уровень защиты прав собственности.

На что вынужден собственник тратить свои ресурсы? На защиту своих прав? Или эта защита осуществляется за счет государственных средств, как в случае государственных предприятий. Так, если вычесть из ресурсов частного собственника те ресурсы, которые он тратит на защиту собственности, так как этим не занимается государство, то чему мы удивляемся, говоря о низкой эффективности приватизированных предприятий? Приватизация будет приводить к снижению эффективности: ведь ресурсы расходуются на другое, не на производство. Такие соображения подрывают попытки количественной оценки эффективности приватизации как на микро-, так и на макроуровне, ибо мы не можем вставлять в уравнение факторы защиты прав собственности.

Второй момент, который вытекает из понятия “режим собственности”, – проблема легитимности. В прошлом году мы проводили специальное исследование в Институте национального проекта “Общественный договор”, которое было посвящено проблемам легитимности крупной частной собственности. К тем трем основаниям легитимности, о которых говорил Ростислав Исаакович, следует добавить еще одну возможную модель. Модель, базирующуюся на категориях социальной психологии. Она была отработана лет двадцать назад. В чем ее суть? Во-первых, легитимным является не объект, а индивид. И нелегитимны те собственники в России, которые ведут себя “не так”. А что значит вести себя “так”? Надо вспомнить, чем было советское предприятие. Оно выполняло кучу социальных функций, которые, когда пришел новый собственник, перестали выполняться, так как он не обязан был их выполнять. Следовательно, он не работал на совместные цели некой группы людей, на которые он, тем не менее, неизбежно влиял.

Советское предприятие, до того как было приватизировано, в терминах режимов собственности находилось в коммунальной собственности, поскольку решения согласовывались группой людей. Поскольку приватизация отвергла необходимость такого согласования, понятно, что те, на кого влияла деятельность собственников, стали оценивать новых собственников как нелегитимных. Мы предложили социологам, которые делали для нас опрос, немного изменить вопрос, то есть спрашивать не про опцию “вернуть предприятия государству”, а про опцию “вернуть под управление чиновнику”. Понятно, что по сути это одно и то же: государство – это и есть группа чиновников. Однако доля респондентов, выбравших так сформулированный вариант, оказалась почти в два раза меньше, чем в опросах, предлагавших опцию “вернуть государству”, и в три раза выросла доля затруднившихся ответить.

Таким образом, когда человек видит формулировку “вернуть государству” – это ему понятно. А когда человек видит словосочетание “вернуть чиновнику”, он начинает задумываться, а что же это такое, и начинает сомневаться. Так что объяснение легитимности через режим собственности мне представляется более эффективным, чем объяснение через нарушение правил *fair play*. Хотя, естественно, и его нельзя отрицать.

Е.Г. ЯСИН: Теперь я хотел бы предоставить слово нашим дискуссантам.

В.Т. РЫСИН: Коллеги, вы уже заметили, что идущее обсуждение на эти темы – приватизация, собственность, национализация – носит довольно “рваный” характер. Все выступающие выбирают отдельные вопросы, которые не представляют нам общей структуры (кстати, и представленная книга отличается этой нецельностью). Смеею предположить, что этому есть какая-то объективная основа, которая состоит из двух элементов. Первое – это вовсе не то, что тема не устоялась, мы пишем на эту тему уже давно. За это время в действительности произошла какая-то “шизофрения”. Мы пишем, что государство должно компенсировать провалы рынка, а потом видим, что в начале кризиса вроде бы правильно разливая деньги по кредитным заторам, правительство обнаруживает, что эти деньги, оказывается, устремляются к другим шлюзам, отдаленным от правительства, и эти шлюзы открываются не ими. Это именно тот момент, который я хочу зафиксировать. Если взять две цифры – объем контролируемого государством имущества ($2/3$) и доля гражданского оборота, осуществляемого по “черным” нормам отношений (60%), – оказывается, что мы живем в условиях полутеневого государства. Поэтому решения, принимаемые без учета коэффициента их преломления теневой экономикой, неверны, а результаты их выполнения далеки от ожидаемых.

Была ли приватизация необходима? Я участвовал как разработчик некоторых ее концепций в те годы – 1997-м, 1998-м, кое-что совершал как практик. Мне эта приватизация представляется, если говорить шахматным языком, типичной двух-трехходовой. Ее неглубокость, отсутствие предвидения дальних социальных последствий – вот что задевает меня, несмотря на то, что сами “приватизаторы” мне лично хорошо знакомы и симпатичны. Приватизации как таковой, по-моему, не получилось вообще. Было *разгосударствление*. Эта задача решена со всеми плюсами и минусами, но это иная задача. Что касается приватизации, то, в общем-то, эта задача не решена. Тот импульс оживления экономики, который возник в те годы, привнесла не приватизация. Его привнесли люди, которые открывали

дело на свой страх и риск. Этот полужадушенный впоследствии самодельный бизнес в те годы активизировал экономику... А приватизация открыла для всего этого ворота. Кстати, в книге хорошо раскрыта тема, как государственные чиновники используют государство в качестве своего ресурса при решении вопросов собственности.

Теперь о национализации. Хотя в названии книги это понятие есть, но фактически разговор о ней не идет. А то, что есть, – неправда. Инциденты с потрошением “ЮКОСа” – не национализация. Это не имеет отношения к государству. Это типичный пример частно-корпоративного рейдерства с использованием государства.

С понятием “легитимация” не вижу никаких особых проблем. Оно включает две составляющие: соответствие действующему законодательству и соответствие действующему в обществе представлению о справедливости происходящего. И вторая часть, согласен с Капелюшниковым, в ближайшее время в принципе недостижима, а в будущем она достижима только одним способом: надо будет теми или иными средствами компенсировать несправедливость, произошедшую от такой приватизации. А средств множество.

Хотят ли россияне в массе своей возврата к государственной собственности. Нет. Они хотят прежде всего стабильности. К форме собственности они равнодушны.

А.Е. ШАСТИТКО: Я хотел бы сказать несколько слов по поводу перспектив общественной дискуссии по проблемам приватизации. На мой взгляд, она будет очень длинной и без какого-либо консенсуса в завершении. Была ли приватизация необходима? С точки зрения концепции метаконкуренции институтов, с которой сталкивались принудительно направляемые (по выражению Л. Эрхарда) экономики, особого выбора вариантов не было. И эмпирически это было доказано. Представители неоавстрийской школы еще в 30-е гг. XX в. доказали, почему централизованно планируемая экономика нежизнеспособна. Принимая во внимание, что представить себе централизованно планируемую экономику без ограничений на режим частной собственности весьма проблематично, аргументация неоавстрийцев вполне подходит к обсуждаемому вопросу. Кроме того, аналогичный аргумент можно обнаружить в работе Р. Коуза “Природа фирмы”, опубликованной в 30-х годах прошлого века. Это первая работа Коуза, за которую (в том числе) он получил премию имени А. Нобеля по экономике. Здесь рассматривается вопрос, почему вообще существуют фирмы, а также исследуется, до каких пределов может расширяться фирма, почему она не может функционировать в масштабе крупной экономики, и т.д. В этом плане работа Коуза перекликается с той аргументацией, которая содержится в представляемой книге, в частности когда дело касается такого феномена, как транзакционные издержки.

Итак, приватизация была необходима. Основная проблема состоит в том, какими методами она осуществлялась, и можно ли было применить другие методы. Если можно, то почему их не использовали? Я согласен, что одна из ключевых проблем – необеспеченность исключительности прав собственности, причем речь идет не только о частной собственности, но и о государственной. И думаю, что мы будем долго дрейфовать в пространстве “частная собственность – государственная собственность”, пока не решится вопрос с режимом собственности.

На мой взгляд, одна из тяжелейших проблем с точки зрения наследства приватизации начала 1990-х гг. – приватизация в отраслях с неразвитой конкуренцией. Мало того, что мы получили приватизированных монополистов, мы потом получили весьма своеобразную конструкцию антимонопольного регулирования, в которой одним из основных инструментов было регулирование цен. И, как это ни печально, сегодня есть признаки того, что “антимонопольные порывы” к регулированию цен существуют, хотя данная форма государственного вмешательства локализуется гораздо реже.

Что же все-таки в условиях институциональных изменений является доминирующим? Какой институт вы ни возьмете, там всегда существует координационный аспект: каким образом сопрягаются пожелания и планы заинтересованных лиц, каким образом выстраиваются распределительные характеристики, то есть каким образом распределяется выгода между заинтересованными сторонами. Возникает вопрос: что при при-

ватизации является доминирующим, а что побочным эффектом? Есть гипотеза, что доминирующей во всех институциональных изменениях, которые проводятся более или менее целенаправленно, является распределительная характеристика. Правда, существует оговорка: как быть в ситуации, когда участники игры не могут прогнозировать распределительные характеристики на длительный период? И новый вопрос: каким временным горизонтом они руководствуются? Если игрок точно не может сказать, на какой стороне он окажется через определенное время, то он из подстраховки будет инвестировать в экономику с более качественными координационными характеристиками.

П.С. ФИЛИППОВ: Как человек, который имел самое непосредственное отношение к разработке приватизационного законодательства, я подтверждаю, что приватизация была такова, какова она могла быть, какие для нее имелись условия. Остальное – не более чем досужие фантазии. Вспомните хотя бы о позиции большой фракции “красных директоров” в Верховном совете РФ, кровно заинтересованных в продолжении нелегальной приватизации. Не пойдя мы тогда им на уступки по процедуре, законы о приватизации вообще не были бы приняты! Теперь судачить о правильности или неправильности выбранных процедур можно долго, но я бы не хотел. Смотреть надо вперед. А там туман и мрак, ибо частная собственность у нас условна. Ни одному бизнесмену и в голову не придет открыть предприятие, не взяв областное руководство “в долю”. Если у него не будет влиятельной “крыши”, то своей собственности он скоро лишится. Поэтому сегодня главный вопрос: как выйти из режима “теневого государства”, как разделить власть и собственность.

Перспективы у нашей страны мрачные. Зарубежные бизнесмены не торопятся вкладывать в Россию деньги и внедрять высокие технологии. Кто же зовет инвестировать, видя, что твоя собственность не защищена? Как выйти из этого положения? Вопрос крайне сложный, именно потому, что он связан с менталитетом народа, считающего коррупцию нормой. Одна надежда – мы не одни такие. Есть примеры решения сходных проблем – в Сингапуре, в Южной Корее, в одной африканской республике в каждом телефоне кнопочку поставили: нажимаешь и сразу докладываешь, кто, где и какую взятку с тебя требует. Я повторяю: мы не одиноки в том положении, в котором мы оказались.

Вот американцы завели у себя моду на всеобщее “стукачество”. Причем за донос на неплательщика налогов “стукача” премируют. Нам говорят, что это возврат к практике КГБ. Но другого выхода я не вижу. Коррупцию и воровство, ставшие нормой, не победить уговорами, не привлекая, пусть за плату, самих граждан.

Что сделали шведы? У них две декларации: о доходах и о богатстве. Плюс доносы соседей. Если ты не можешь документами подтвердить, откуда у тебя взялась лишняя тысяча долларов (неважно – наличными, в акциях или бриллиантах), то тебе грозит тюремный срок и конфискация имущества.

Во всех восточноевропейских странах идет обновление судебной системы. А у нас? Суды коррумпированы, а милиция фактически стала шайкой “крышевателей” в форме. Когда я был в Латвии, я пытался понять, почему у них не так, как у нас. У них же половина русских, значит, менталитет вроде схожий, а ситуация иная. Это требует изучения.

Понятия священной частной собственности, рынка, конкуренции в наших генах нет, за две тысячи лет торговли оно не закрепилось. Поэтому ключевая проблема – ценности, доминирующие в обществе. Что правильнее: отнять и разделить или собственность все-таки неприкосновенна? И пока мы эти ценности в народе не подправим, может быть, даже такими сильнодействующими средствами, как “стукачество”, ничего хорошего нам ждать не приходится.

В.С. ПЛЕСКАЧЕВСКИЙ: Мне стало страшно. Потому что основа либерализма – это прежде всего отношение к собственности и к свободе. И мы все с вами вроде понимаем, что 80 лет нас отдалают от тех времен, которые, как и сегодня, тоже были несовершенны с точки зрения собственности. И вдруг Л. Григорьев сравнивает Европу, где частная собственность была всегда, с той страной, где была идиотия. И страшно стало прежде всего потому, что прозвучало сомнение: был ли справедливым процесс появления собственности в нашей стране и не провести ли ревизию? А в результате имеем спор яйце-

головых о том, как “по честности, по справедливости” провести приватизацию. При этом никто не понимает и не знает, что такое “по честности” и что такое “по справедливости”.

Лично у меня нет никакой неопределенности по поводу той бывшей приватизации, зато у меня есть отчаяние по поводу настоящей. Потому что разобраться в сегодняшней ситуации сложно. Например, считать ли предприятие с более чем 25% частных акций государственным или нет? А землю под ним, которая не выкуплена, – ее как считать? Как имущество предприятия или как публичное имущество?

Беда в том, что несколько лет назад, на заседании правительства, я услышал, что приватизация заканчивается. Это точка зрения заблуждающихся информаторов, которые уверены, что приватизация сводится к приватизации предприятий, а леса, поля, реки – то, что в приличных странах остается предметом гражданского оборота с разного рода ограничениями, вообще не рассматривается. (Но мы выясняли, хочет наш народ или нет, чтобы земля в стране приватизировалась. В Казахстане же наплевали на это и приватизировали землю вместе со зданием. При этом залоговая процедура по зданию в Казахстане занимает три дня, а в России – три месяца в лучшем случае.)

Я как-то сказал, что быстрее и лучше, чем в России, приватизация нигде в мире не происходила, имея в виду, что у нас задача была несопоставима с аналогичными задачами в других странах по объемам и по времени. Сегодня же проблема состоит в содержании самого понятия “собственность”. Даже сегодня мы, обсуждая собственность, говорим и о ее форме, и о режиме. Но, коллеги, задумайтесь: форма предполагает деятельность – деятельность на свой страх и риск. А что предполагает режим? Чей риск? Чиновничий? Публичный? Я как председатель Комитета по собственности Госдумы как раз и нахожусь на острие тех практических вопросов, которые вызывают страх. На самом деле подсказка в истории уже была. Помните нэп? Тогда малый бизнес был полностью частным, а изюминкой были госпредприятия. Отсюда и золотой рубль, и масса других положительных явлений. А чем все закончилось? Тем, что политики решили, будто экономическая самостоятельность тянет за собой и политическую.

Я бы считал идеальной приватизацию, начатую в 1985 г., когда говорили о необходимости перестройки, а не приватизацию 1990-х гг., когда говорили уже о лимите времени. Я бы предоставил экономическую самостоятельность крупным предприятиям, пусть даже если бы они оставались государственными. Но при этом я определил бы для них специальную программу развития и постепенно начал избавлять их от социальной нагрузки. Да, действительно, когда в процессе приватизации крупные российские предприятия резко сбросили социальную нагрузку, мы получили глубокий дисбаланс и отрицательное отношение к происходящему со стороны народа. Поэтому была необходима реструктуризация, но постепенная и поэтапная.

Ваучеры я считаю (и здесь можете со мной поспорить) идеальной конструкцией. Была лишь маленькая проблема: ценные бумаги выпускаются обыкновенно на определенный объем, ваучер же менялся или не утверждался. Поэтому ценность самого ваучера “плыла”.

Пугает еще один момент. С одной стороны, уже в 1990-е г. начали говорить, что на 70% собственность в стране теперь частная и приватизация произошла. Но если учитывать не только пакеты акций предприятий, а дополнительно и объекты недвижимости, и прежде всего землю, то цифры получаются другие. Так, земли, годной для гражданского оборота, свободной или находящейся в частной собственности, почти нет. Например, в Петербурге, который считается лидером приватизации, в частной собственности было 14% земли, сегодня, по их данным, – уже 17%. Угадайте, сколько в Москве и в большинстве других городов?

Большинство экспертов считают, что в развитых странах доля собственности, годной к гражданскому обороту, составляет не более 25%. Мы полагаем, что необходимо поддерживать любые действия, которые увеличили бы эту долю до 40%. Тем самым возрастет число собственников, и, возможно, их количество приблизится к той критической массе, когда заинтересованность людей обеспечит необратимость преобразований в направлении к рыночной экономике. Хочу также напомнить, что собственность – дополню, недвижимость – в принципе не может быть защищена, пока не описана надлежащим образом. Без этого каждый объект может стать спорным и сопряжен с риском.

С.В. МОЛОЖАВЫЙ: Я работал около восьми лет заместителем министра Госкомимущества. Последние пять лет руковожу стопроцентно акционерным обществом. Поэтому посмотрел на приватизацию и с той и с другой стороны. Но пять лет я уже “не в процессе”, поэтому рекомендации давать не готов.

За полгода до ухода из министерства я повесил у себя на двери табличку: “Господа, на дворе пятнадцатый год приватизации. Недвижимости нет”, так как меня замучили: “Дай недвижимости!”. К чему я это говорю? Отдельные отрасли экономики приватизированы на 100%. Недвижимость в Москве, например, приватизирована полностью, еще по закону о госпредприятии, а не по закону о приватизации.

Теперь по поводу термина “приватизация”. Считаю, что приватизация – это раздача собственности широкому кругу лиц. И она завершилась в 1994–1995 гг. Главная моя претензия к ней – то, что мы и тот, кто писал раньше законы, не смогли сделать этот процесс необратимым, потому что сейчас доля государства увеличивается.

Еще хочу сделать ремарку относительно госкорпораций. Наша компания вступила в госкорпорацию. Единственное, что мы от них получили, – запрос на финансирование какого-то храма, который должен был посетить президент и который срочно нужно было отреставрировать. Еще был запрос на финансирование футбольного клуба, не буду говорить, какого; и еще что-то такого же типа. Никакого нового качества, заявлявшегося при создании этой госкорпорации, мы не получили.

Г.А. ТОМЧИН: Если мы будем анализировать единственную успешно завершенную реформу и сваливать на нее недостатки незавершенных реформ, получится то, что получилось при нашем обсуждении. Сама приватизация в России была блестяще проведена. Это единственный случай в истории полномасштабной страновой приватизации. Когда-то к А. Чубайсу пришли специалисты из Великобритании и сказали, что они разбираются в приватизации, у них, мол, по 15 предприятий за семь лет приватизировалось. На что Чубайс сказал: сейчас придут наши специалисты, у них опыта “поменьше” – всего по 500 предприятий. Ученые, когда изучают какой-либо объект, берут его в состоянии *до*, в *процессе* и *после*, а также исследуют внешние факторы. Если говорить об объекте *до*, то это было одно предприятие, называемое “советское народное хозяйство”, которое производило оборонную продукцию, а все остальное – в виде отходов. Недостаток нашей приватизации – *недоприватизированные* предприятия. Эта тема сегодня совсем не затронута. Важно не то, что земля не приватизирована, не приватизирован “пакетик”: 6%, три акции, 1%... Плюс ограничения на инвестирование в предприятие, так как мало того, что инвестор должен взять пакет, он еще должен заплатить за то, что доля государства не увеличивается. Такие предприятия самые неэффективные.

У нас была очень быстрая приватизация всех предприятий и очень долгая – каждого отдельного предприятия. Приватизация, которая обсуждается, закончилась в 1995 г. Потом были залоговые аукционы, которые никакого отношения к приватизации не имели. Потом была вялотекущая стагнирующая отчетность о продолжении приватизации, когда в год приватизировалось 60–70 предприятий, когда все правительство занималось одним предприятием в год ради доходов в бюджет. Эти процессы надо понять.

Теперь о будущем. Приватизация – условие необходимое, но недостаточное, чтобы получить эффективную экономику. Чтобы экономика была эффективной, требуется много условий, однако одно особенно необходимо – нужен парламент. Мне бы хотелось, чтобы было проведено исследование с учетом всех факторов и с пониманием того, что приватизации в Чехии и Великобритании никакого отношения к нашей не имели. Мы делали как могли. Сделайте лучше: у вас же есть Венесуэла, пол-Африки и Куба.

Г.И. МУСИХИН: Здесь смотрели на приватизацию с экономической и с юридической точек зрения. Как политолог я хочу посмотреть на приватизацию с точки зрения политической науки, вернее, с точки зрения новой политэкономии. Тут принципиальный вопрос звучит следующим образом: существует ли институциональное разделение власти и собственности? В зависимости от ответа на него новая политэкономия делает различные выводы о характере владения собственностью и об особенностях политиче-

ского режима. Особенность современной России в том, что проблема разделения власти и собственности важна, но вторична.

Своеобразие России в том, что у нас институализация собственности и власти шла одновременно. Это привело к тому, что правящая верхушка создала те отношения собственности, которые ей были удобны. Когда произошла смена правящего слоя, новая элита дала гарантии прав собственности, но эти гарантии нарушила. Она поступила как предыдущая политическая элита. И это создало, на мой взгляд, прецедент: *гарантии были даны, но не были соблюдены*.

Новая элита поступила так же, как ельцинская: подстроила под себя структуру власти и отношения собственности. Это и создало катастрофический прецедент. Дважды смена власти сопровождалась сменой отношений собственности. И передача власти методом назначения не стала защитным механизмом, блокирующим пересмотр отношений собственности. А значит, что любая передача власти методом внутриэлитной договоренности ничего не гарантирует в этих отношениях. Любой новый политический класс, пришедший к власти через назначение, будет их пересматривать.

Любые реально конкурентные выборы в России не дадут решающего преимущества ни одной политической силе. Возникнет необходимость элитного компромисса (а не сговора), который заблокирует любой серьезный пересмотр отношений собственности. Таким образом, парадокс состоит в том, что единственный шанс сохранения собственности нынешним господствующим строем – реальная демократия. Не потому что демократия его защитит, а потому что она заблокирует любое тотальное наступление на отношения собственности в том виде, в каком они сложились.

В.М. МЕЖУЕВ: Я не специалист по приватизации и не экономист, но когда слушаешь наших экономистов, то невольно приходишь к выводу, что главной их трагедией было то, что они появились на свет задолго до того, как в стране возник рынок. Ибо приватизация, предшествующая рынку, вне рыночная приватизация, есть все что угодно, но только не экономическая реформа. Не частная собственность создает рынок, а рынок – причина возникновения института частной собственности. Подменив переход к рынку переходом к частной собственности, мы как бы поставили телегу впереди лошади. А условием перехода к рынку является, как я понимаю, не наличие уже готовых частных собственников (откуда они тогда берутся?), а наличие у людей права на частную собственность, что далеко не одно и то же.

Частная собственность, если правильно ее понимать, – не просто факт владения каким-то имуществом (в этом случае пришлось бы признать происхождение частной собственности одновременно с происхождением человека), но то, по какому праву человек им владеет. Важно не только наличие у него какой-то собственности, но и источник ее происхождения. Собственность, не подкрепленная правом на нее, не является еще частной собственностью в юридическом смысле слова. Иначе любого бандита следует признать частным собственником. Но вот юридическая сторона дела часто экономистами не принимается в расчет.

Право собственности возникает в условиях уже существующего и постоянного обмена между людьми продуктами своего труда, то есть в условиях функционирующего рынка. Чтобы придать этому обмену характер законной сделки, необходимо наделить всех участвующих в нем лиц правами частных собственников. Иначе обмен легко превратится во взаимный обман, где все будет решаться правом силы. Признание за каждым права частной собственности осуществляется посредством заключения общественного договора, то есть возможно только в гражданском обществе, налагающем на государство обязанность считаться с этим правом и защищать его. В ином случае частная собственность остается привилегией немногих или подменяется правом власти распоряжаться собственностью по собственному усмотрению. В этом и состоял главный недостаток проведенной у нас приватизации: она создала частных собственников не посредством наделения всех правами частных собственников, а путем наделения собственностью отдельных лиц, то есть превратила собственность из правовой нормы в своеобразную привилегию. Подобная приватизация с самого начала приобрела характер не рыночной

(создаваемой на рынке), а какой-то полуфеодальной приватизации, субъектом которой стали не люди, работающие на рынке, а государство. Вот почему я всегда считал, что приватизация в условиях отсутствия рынка – дело не столько экономистов, сколько юристов.

Е.Г. ЯСИН: Но перед тем, как появилось право, появилось насилие, и собственность была рождена насилием, и только после этого придумали право.

В.М. МЕЖУЕВ: Право люди не придумывают, а фиксируют в нем то, что, по их разумению, принадлежит им по самой их природе. Во всяком случае, собственность, создаваемая насилием, никак не может считаться экономической категорией, а переход к такой собственности – экономической реформой. И тем более реформой правовой.

Д.Е. ФУРМАН: У меня только два замечания неспециалиста. Во-первых, уж очень мы все любим говорить о своей стране как о какой-то исключительной. И приватизация у нас небыла, нигде такой не было. Есть много стран, бывших советских республик, которые жили при социализме столько же, сколько и мы. Их проблемы были ничуть не меньше наших, даже больше, ибо их экономики больше зависели от нашей, чем наша от их экономик, и у многих стран не было ни нефти, ни газа. Но о них вообще не говорят, только раз в одном выступлении прозвучал пример Казахстана. Между тем, чтобы понять нашу приватизацию и ее следствия, просто необходимо сравнивать нашу приватизацию с казахстанской, украинской, узбекской и т.д.

Во-вторых, мне кажется, что мы должны рассматривать приватизацию, пытаясь понять мотивы людей, которые ее осуществляли. А понять мотивы – прежде всего понять политическую ситуацию того времени. А какая это была ситуация? Разделения властей не было. Власть была в одних руках, но эта власть была слабой, у нее было много врагов. В такой ситуации цели приватизации не могли быть только экономическими, были и политические цели. Власть стремилась создать слой людей, заинтересованных в ее сохранении. Она также не могла не стремиться к тому, чтобы на командных высотах в экономике были люди, зависящие от нее. Кроме того, когда ты можешь приватизировать все, что хочешь и как хочешь, ты всегда что-нибудь прихватишь и себе, и своим друзьям. В советской экономике дефицита директор мясного магазина всегда имел дома мясо. А если ты раздаешь не мясо, а миллиарды, ты обязательно один-два положишь в карман себе. Это не потому, что ты негодяй и какой-то особенно нечестный, просто все люди грешники, а ситуация была такая, что только святой мог не отложить своей семье миллиард на черный день. Этот элемент политического (для стабилизации власти) и личного использования приватизации необходимо учитывать. Иначе мы не поймем, как проводилась приватизация, и почему она проводилась именно так, а не иначе. А от понимания ее целей зависит и оценка ее успешности.

Л.И. ЛОПАТНИКОВ: Я бы хотел возразить Дмитрию Ефимовичу. Мне кажется, что политические интересы тех, кто проводил приватизацию, – вторичное. Первичное – переход от централизованного планирования, которое называлось социалистическим, к рыночной экономике. А без приватизации, увы, о таком переходе нельзя было думать.

Е.Г. ЯСИН: А теперь я хотел бы вновь дать слово авторам книги.

Л.М. ГРИГОРЬЕВ: В связи с тем, что здесь говорились, прежде всего Томчиным и Филипповым, я хотел бы сказать, что основная проблема с некоторыми жившими в то время людьми – полная уверенность, что ничего другого быть не могло в принципе. Что они все сделали единственным, правильным образом. Подчеркиваю: а) единственным, б) правильным. Есть различия – некоторым хватает одного “а”. С таких позиций невозможен научный анализ темы.

Теперь по поводу справедливости или несправедливости приватизации. Книга все-таки не о справедливости. У меня была другая простая задача – показать, что наша приватизация все-таки аномалия относительно тогдашнего знания, мирового опыта. И то, чем гордятся, с точки зрения ее проведения, скорости и так далее – тоже аномалия. Вопрос именно в последствиях.

Теперь об инертности массы, которая не хотела активно реализовывать свои права. Это глубочайшее заблуждение, основанное на российском опыте. Идея приватизации всегда базировалась на информации – люди должны иметь представление о том, где и

как вложить свои средства (и ваучеры). Им должны были дать информацию, время и шанс. Они его не получили. Даже когда Всемирный банк “сломался” (в 1992 г.) и по просьбе российского правительства написал проект займа на приватизацию (130 млн долл.). Ведь наша приватизация начиналась с книги, в которой летом 1992 г. утверждалось, что массовая приватизация – дело темное, непроверенное и имеет ряд недостатков, и тут же заем на приватизацию. Там нет ни слова про институты. Коузу дали Нобелевскую премию в 1991 г., а проект займа писался осенью 1992 г. Классные специалисты Всемирного банка были против. Они, по-моему, очень не любили этот заем. В июле 1992 г. появляется книга, где они пишут: мы “не рекомендуем” это. Но я согласен с Виталием Леонидовичем, который сказал, что наша книга научная, то есть исследование, а не расследование.

Р.И. КАПЕЛЮШНИКОВ: Я думаю, что участники проекта, возможно, зря не договорились друг с другом, кто о чем будет рассказывать. Из-за этого у многих создалось превратное представление о содержании книги – что в ней есть и чего нет. Скажем, вопреки прозвучавшим упрекам в ней отражен приватизационный опыт других постсоциалистических стран. И здесь любопытно отметить, что в межстрановом контексте ситуация с легитимностью собственности в России выглядит явно лучше, чем в большинстве других постсоветских государств.

Меня также напрасно обвиняли, будто из моего анализа следует вывод, что нужно все реприватизировать и поделить заново. Напротив, он направлен на обоснование тезиса, что любые попытки решить проблему легитимности собственности путем пересмотра результатов приватизации обречены на неудачу. Уязвимое место большинства такого рода предложений состоит в том, что они пытаются изобрести формальное решение проблемы, которая по своей природе является неформальной. Говоря иначе, проблема легитимности воспринимается их разработчиками так, как если бы она была проблемой легальности. Все надеются отыскать некий магический переключатель, щелкнув которым можно было бы разом перевести ситуацию из режима нелегитимности в режим легитимности. Но с такой аморфной инстанцией, как общественное мнение, невозможно ни заключать формальные договоры, ни возлагать на нее формальные обязательства, требуя затем их строгого выполнения. Это означает, что проблема нелегитимности не поддается “лечению” ни с помощью хирургического вмешательства (вроде тотальной деприватизации), ни с помощью терапевтических средств (вроде компенсационного налога на приватизированную собственность). По-видимому, в длительной перспективе к успеху может привести только “гомеопатия” – методичное, скрупулезное, пошаговое снижение градиента нелегитимности.

И последнее: собственно, вся книга посвящена демонстрации того, что если права собственности не являются исключительными, если они остаются незащищенными, то добра от этого ждать не нужно. В своих главах Виталий Леонидович обращает внимание на примечательный факт: оказывается, в пакет обязательных документов, требовавшихся при приватизации, не входил перечень объектов недвижимости, которые включались в уставный капитал. Я не думаю, чтобы это стало затем источником серьезных проблем (все-таки основные постприватизационные конфликты разворачивались не вокруг объектов недвижимости, а вокруг пакетов акций приватизированных предприятий). Но это иллюстрирует, как проблема прав собственности воспринималась теми, кто отвечал и за проведение приватизации. Похоже, для них четкое разграничение прав собственности было вопросом второстепенным, находившимся вне поля их зрения. Стоит ли тогда удивляться, что конечные результаты сделанного оказались далеко не такими, как хотелось бы?

Е.Г. ЯСИН: Если можно, постараюсь в заключение обойтись одной репликой. Я увидел, насколько далеки представления ученых-экономистов от воззрений юристов, политических деятелей, практиков и т.д. Беда заключается, главным образом, в том, что понятия, которыми оперируют экономисты, с большим трудом проникают в сознание. Когда мы начинали работу, я попросил Виталия Леонидовича, чтобы эта книга была написана так, что всякий, кто будет выступать на тему приватизации, не мог бы на нее не сослаться. Там действительно представлены очень разные взгляды. И я решил, что это не минус, а достоинство.